

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 070.23(470)(091) + 811.161.1'37

С. С. Ваулина
И. Ю. Кукса

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ПЕРВЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГАЗЕТ

Рассматриваются структура языковой категории модальности, вопросы выделения объективной и субъективной модальности, их взаимосвязи. На диахроническом материале иллюстрируется характер модальных отношений в газетном тексте. Устанавливаются особенности взаимодействия объективной и субъективной модальности и средств их выражения.

Ключевые слова: категория модальности; объективная и субъективная модальность; модальная семантика; диахрония; история периодической печати; авторская позиция.

Продолжающаяся до сих пор дискуссия о содержательном объеме категории модальности находит отчетливое выражение в вопросе функционального статуса объективной и субъективной модальности. Следует отметить, что многими учеными достаточно последовательно проводится выделение и разграничение намеченных еще В. В. Виноградовым данных модальных пластов [Виноградов, с. 53–87], широко представленных в традиционных квалификациях модальности [см., например: Золотова, с. 141–148; Русская грамматика, с. 214–217]. Несмотря на это многие исследователи указывают на определенную искусственность такого разграничения, аргументируя свою позицию по-разному. Так, одни ученые полагают, что выделение указанных типов модальности является весьма условным, поскольку «элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности» [Дешериева, с. 41; см. также: Краснова, с. 8]. Другие, напротив, считают нецелесообразным разделение языковой модальности на объективную и субъективную на том основании, что «все отношения, выражаемые категорией модальности, являются

объективными, ибо они, как и иные отношения действительности, познанные человеком, обобщены в процессе речевой практики, объективированы в языке» [Васильев, с. 55; см. также: Немец, с. 13].

Более обоснованной представляется позиция тех исследователей, которые, подчеркивая условность жесткого разграничения объективности и субъективности в языке, рассматривают субъективную и объективную модальность как диалектически взаимосвязанные компоненты модальности [см., например: Эслон, с. 234—235; Валгина, с. 96—104; Бабенко, с. 133—134; и др.].

Особенно отчетливо взаимодействие данных типов модальности проявляется в тексте. «Как только предметом рассмотрения становится текстовая модальность, — отмечает Л. Г. Бабенко, — стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [Бабенко, с. 134]. При этом субъективная модальность, концентрирующая в себе целый комплекс модальных оценочных значений, «богатство которых, по экспрессивному выражению Е. М. Вольф, может ошеломить каждого» [Вольф, с. 178], становится весьма значимой при выявлении плана выражения субъективно-модальных оценок в тексте, особенно в тех его разновидностях, где явно выражена точка зрения автора, к числу которых, без сомнения, следует отнести и газетный текст. В контексте сказанного вполне обоснованным представляется мнение ряда исследователей [см., например: Краснова; Солганик] о том, что применительно к подобным текстам нельзя рассматривать субъективную модальность с точки зрения ее традиционной квалификации как факультативной категории [см. об этом: Золотова, с. 148; Русская грамматика, т. 2, с. 215; Лингвистический энциклопедический словарь, с. 303]. «Роль СМ [субъективной модальности], — отмечает Г. Я. Солганик, — гораздо глубже и значительней, нежели простой необязательный показатель отношения говорящего к содержанию высказывания. Как и объективная модальность, субъективная модальность является обязательным признаком не только предложения-высказывания, но и других синтаксических единиц, а также речи (текста)» [Солганик, с. 6].

Данный факт ставится очевидным при обращении уже к ранним газетным текстам отечественной периодической печати, к числу которых принадлежат, например, тексты первых русских газет — рукописной газеты «Вести-Куранты» (XVII в.) и первого выпуска печатной газеты «Ведомости времени Петра Великого» (1703—1707). Не претендуя, в силу ограниченного объема статьи, на полноту презентации всего комплекса сложных и достаточно разветвленных модальных отношений, представленных в указанных текстах, остановимся лишь на их наиболее показательных моментах.

Прежде всего следует отметить, что авторство текстов рассматриваемых газет не обозначено, открытое авторское «я», присущее многим современным газетным текстам [см.: Ткаченко, с. 9—10], не имеет здесь грамматического выражения: отсутствуют конструкции с подлежащим-местоимением в форме 1 лица единственного числа, весьма редки определенно-личные конструкции. Однако это не означает отсутствия авторской позиции: авторы выражают ее, используя различный набор языковых средств, в том числе и модальных.

Главная коммуникативная цель авторов рассматриваемых газетных текстов — проинформировать читателя (целевую аудиторию) о произошедших событиях, явлениях, о новых фактах действительности. В связи с этим вполне закономерно, что структурно-содержательной основой в них является пропозициональная модальность в совокупности двух основных содержательных компонентов — объективной модальности и ситуативной (в иной терминологии — внутрисинтаксической, предметной) модальности [Ваулина, с. 14–20]. При этом объективная модальность содержит характеристику «положения дел» с точки зрения их реальности/ирреальности, а ситуативная — конкретизирует соответствующее «положение дел» с точки зрения возможности, необходимости или желательности его реализации. Субъективная же модальность в совокупности разнообразных значений (вероятности, достоверности, уверенности/неуверенности и т. п.) обеспечивает выражение отношения автора к сообщаемому и, шире, авторской позиции в целом.

Объективная модальность в текстах первых российских газет реализуется в основном с помощью глаголов изъявительного наклонения *настоящего прошедшего времени*, что обеспечивает реальность информации:

Из Ведны весть что цесар еще крепко на том *стоит* и шпанскому послу *гово-рит* чтоб Франкендаль отдали... [Вести-Куранты, с. 227]¹; В грамотках пишут, что винерские люди под Касковом опять несколко сот человек *побили*, большую долю насмерть *побили*, а многих в полон *поимали* [Там же]; *Подтверждаетца* что в Полше еще беспрестани сила казацкая *стоит...* [Там же, с. 98]; Что Немиров взят, и граждане и крестьяне замок взяти *помогли*, то *подтверждается* [Ведомости, № 3]; *Подтверждается*, что из Ландау выласка была, и много французов побили (Там же, № 37); *Пишуть* что здес новая смута *оказываетца* . . . зачинщики в розных местех *съезжаютца* [Вести-Куранты, с. 96]; А молва *есть*, что бутто баварские около Инголштада збираются [Ведомости, № 12]; «Молва *несется*, что соединенные войска из зимовых мест *поднялися* [Там же, № 9]; *Сказывают*, что сам король свейский с ними *пошел* [Там же, № 32]; *Говорят*, что 7 тысяч или 8 тысяч человек в Полшу из Сазонской земли *идут* [Там же, № 29].

Вполне очевидно, что главная задача газеты — обеспечить оперативность и достоверность информации — в первых российских газетах по понятным причинам еще не могла быть решена в полной мере. Поэтому в них, как свидетельствуют вышеупомянутые примеры, наряду с указанием на относительно достоверный (хотя и неопределенный) источник информации, выраженный глагольной словоформой «подтверждается», часто встречаются сообщения со ссылкой на недостоверные источники, даже на слухи. При этом в качестве специфических «маркеров» проблематичности, а порой и невозможности верификации представляющей читателю информации чаще всего выступают глаголы *сказывать*, *говорить*, *писать* в форме 3 л. мн. ч. настоящего времени,

¹ В приводимых примерах сохраняется орфография и пунктуация источников, но используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита кси, пси, фита, омега, ук, а также старославянские буквы ять, юс малый, юс большой передаются буквами современного русского алфавита.

функционирующие в составе сложноподчиненных изъяснительных предложений. Актуализация субъективно-модального значения недостоверности может создаваться и с помощью словесных формул *молва есть, молва несется*, употребленных в составе сложноподчиненных изъяснительных предложений. При этом модальный потенциал таких предложений в значительной мере обусловлен семантикой ключевого слова «молва» — «говор, слух, наслух, намолчка, слава, народные толки или ходячие вести» [Даль, т. 2, с. 341].

Реже информация в рассматриваемых газетных текстах преподносится с помощью конструкций с глаголами в форме *будущего времени*:

...Граф Густавъ Густавсонъ из Стеколны поехалъ къ Далергейму а там он *сидеть* на карабль кои карабль королева нарощо велела устроит и *поедет* тем караблем в Цесарскую землю лечитца травами и кислою ключевою водою от немоици своеи тако же и дела свое оснабрюкское там *исправит* [Вести-Куранты, с. 147–148]; ...король наш на весну сам на войну в поле *пойдет* [Ведомости, № 4]; Сказывают с обнадеживанием, что адмирал <...> *пойдет* во Гишпанию [Там же, № 6].

Вполне очевидно, что реальность осуществления описываемого «положения дел» в будущем имеет достаточно гипотетический характер (произойдет ли действие, неизвестно). Более того, часто автор подобной информации подчеркивает эту гипотетичность посредством употребления вводных слов *и* *словосочетаний* со значением различной степени уверенности/неуверенности:

Инне в Стеколне с теми пребывающими розными чужими посолскими делами добре радеют и ежеден с которым ни есть послом в ответе бывают и *кажется* что одному кому ни есть вскоре совершение дело учинят... [Вести-Куранты, с. 142]; ...и как сия статья справлена будет ино не отчаем доброму концу а... будет в Оранкендале росправленье не будет и *может быть* что долго в оттяшку пойдет [Там же, с. 113]; И такожде *видимо* что обещанию шведскую помоць для снесения казаков не приняла, но паче от московского посла обещанию помочь принять склонится [Ведомости, № 6]; Литовская речь послопита *может быть* что с московским государем станет держатся [Там же, № 10].

В вышеприведенных и подобных примерах объективная модальность как фундамент осложняется «надстройкой» в виде содержательных конституентов модальности субъективной (в частности, средствами со значением проблематической достоверности), включенных автором в текст с целью подчеркивания собственной неуверенности в осуществлении сообщаемых им событий или действий в будущем.

В более редко встречающихся в газетных текстах конструкциях с антонимичными по модальной семантике вводными словами со значением категорической достоверности автор, напротив, стремится акцентировать свою уверенность в том, что предполагаемое событие (действие) обязательно произойдет, и сконцентрировать на этом внимание читателя. В подобных случаях актуализируется реальность действия, что важно в условиях его отнесенности к плану будущего:

В городе Нюренберге еще по прежнему и после того ниче к мирным статьям не прибыло потому что... настоятели с иными тут пребывающими послы *конечно соединяца...* [Вести-Куранты, с. 171]; Однако ж иные статьи положены, которыми литовские *конечно недовольны будут* [Ведомости, № 17]; А под Торунем *конечно все тихо будет* [Там же, № 25].

Свидетельством тесного взаимодействия значений объективной и субъективной модальности может служить специфика функционирования в рассматриваемых газетных текстах средств выражения значений ситуативной модальности. С одной стороны, с помощью данных средств — преимущественно сочетаний модальных глаголов и предикативов с зависимым инфинитивом — автор газетного текста уточняет информацию о реальном положении дел, актуализируя их возможность, необходимость или желательность. С другой стороны, значения ситуативной модальности (возможность, желательность, необходимость) «в рамках текста в значительной степени утрачивают свою непосредственную номинативную функцию и приобретают дополнительную модально-оценочную функцию» [Ваулина, Кукса, с. 518].

Так, например, весьма отчетливой авторской субъективно-модальной оценкой сопровождается в рассматриваемых газетных текстах информация о «положении дел» с точки зрения необходимости его осуществления. При этом наиболее ярко она выражается посредством безличного глагола *подобает*² и предикативного прилагательного *должен*:

...И с нимъ послал есми многие грамоты розныхъ времен что учинилося здея в Турской земли и он не учинил по моему приказу и не послал наскоро из Путивля к Москве с вернымъ рабомъ... только держал их у себя три месяца в рукахъ без дела и *подобаетъ* к великимъ велможным людемъ... *посылати* наскоро безо всякого задержания... [Вести-Куранты, с. 90]; ...а мы вашему королевскому величеству по своей должности и чести такому великому гсдрю *должны воздавать...* [Там же, с. 112]; ...я *долженъ* и *подобаетъ* мне о тишине и мире за свое государство бога *молить...* [Там же, с. 83].

Подытоживая наблюдения над спецификой соотношения объективной и субъективной модальности в текстах первых отечественных периодических изданий, подчеркнем функциональную значимость обоих пластов категории модальности, определяемую коммуникативной задачей газетного текста и авторскими интенциями. На объективную модальную основу сообщаемой читателю информации об определенных событиях и фактах внеязыковой действительности налагаются дополнительные субъективно-модальные смыслы — значения вероятности, проблематичности, достоверности/недостоверности, уверенности/неуверенности, сомнения, эксплицирующиеся посредством достаточно обширного набора языковых средств. А это свидетельствует о том, что уже

² Данный факт можно объяснить лексическим значением данного глагола — «соответствовать, приличествовать» [Срезневский, т 2, ч. 2, с. 1088], которое непосредственно соотносится с его этимологией (происходит от прасл. *doba — «время, пора», восходящего к и.-е. *dhabh — «подходить, быть подходящим» [Черных, т. 1, с. 258].

на этапах зарождения и формирования отечественной периодической печати и газетных жанров важным для автора газетного текста оказывается не только предъявление читателю объективной достоверной информации, поданной отстраненно-бесстрастно, но и выражение собственной позиции, позволяющей автору текста формировать у читателя определенное отношение к полученной информации.

Бабенко Л. Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 133–142. [Babenko L. G. Otsenochnyy faktor v formirovaniy modalnogo prostranstva teksta // Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznaniy : sb. nauch. tr. Kaliningrad, 2009. S. 133–142].

Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. 280 с. [Valgina N. S. Teoriya teksta. M., 2003. 280 s.].

Васильев Л. М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения // Уч. зап. Башкир. ун-та. 1973. С. 55–60. [Vasiliyev L. M. Modalnyye slova v ikh otnoshenii k strukture predlozheniya // Uch. zap. Bashkir. un-ta. 1973. S. 55–60].

Ваулина С. С. К вопросу о структурно-содержательной природе категории модальности (от модальности предложения к модальности текста) // Вестн. Калининград. гос. ун-та. Сер. Языки, литература и культура стран Балтийского моря. 2004. № 1. С. 14–20. [Vaulina S. S. K voprosu o strukturno-soderzhatelnoy prirode kategorii modalnosti (ot modalnosti predlozheniya k modalnosti teksta) // Vestn. Kaliningrad. gos. un-ta. Ser. Yazyki, literatura i kultura stran Baltiyskogo morya. 2004. № 1. S. 14–20].

Ваулина С. С., Куksa И. Ю. Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Acta Polono-Ruthenica. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. 2009. № 14. С. 513–520. [Vaulina S. S., Kuksa I. Yu. Modalnost predlozheniya — modalnost teksta: aktualnyye aspekty izucheniya // Acta Polono-Ruthenica. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. 2009. № 14. S. 513–520].

Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1. М., 1903. 427 с.

Вести-Куранты. 1648–1650 / под ред. С. И. Коткова. М., 1983. 293 с.

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87. [Vinogradov V. V. Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike. M., 1975. S. 53–87].

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 228 с. [Wolf Ye. M. Funktsionalnaya semantika otsenki. M., 1985. 228 s.].

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1980. [Dal V. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. M., 1978–1980].

Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Вопр. языкоznания. 1987. № 1. С. 33–45. [Desheriyeva T. I. O sootnoshenii modalnosti i predikativnosti // Vopr. jazykoznaniya. 1987. № 1. S. 33–45].

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с. [Zolotova G. A. Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo jazyka. M., 1973. 351 s.].

Краснова Т. И. Субъективность — модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002. 189 с. [Krasnova T. I. Subyektivnost — modalnost (materialy aktivnoy grammatiki). SPb., 2002. 189 s.].

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 683 с. [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. M., 1990. 683 s.].

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981–1984. [MAS — Slovar russkogo jazyka : v 4 t. M., 1981–1984].

Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов н/Д., 1991. 187 с. [Nemets G. P. Aktualnyye problemy modalnosti v sovremennom russkom jazyke. Rostov n/D., 1991. 187 s.].

Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. М., 1980. 709 с. [Russkaya grammatika : v 2 t. T. 2. M., 1980. 709 s.].

Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010. 136 с. [Solganik G. Ya. Ocherki modalnogo sintaksisa. M., 2010. 136 s.].

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. Репринт. изд. М., 1989. [Sreznevskiy I. I. Slovar drevnerusskogo yazyka : v 3 t. Reprint. izd. M., 1989].

Ткаченко А. И. Текстообразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе (на материале новостных заметок и аналитических статей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 24 с. [Tkachenko A. I. Tekstoobrazuyushchaya rol modalnosti v gazetno-publitsisticheskem diskurse (na materiale novostnykh zametok i analiticheskikh statey : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kaliningrad, 2011. 24 s.].

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. [Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennoego russkogo yazyka : v 2 t. M., 1999].

Эслон П. А. Проблема разграничения модальных значений // Тр. по русской и славянской филологии. № 1. Tartu, 1997. С. 234–235. [Eslon P. A. Problema razgranicheniya modalnykh znacheniy // Tr. po rus-skoj i slavyanskoy filologii. № 1. Tartu, 1997. S. 234–235].

Статья поступила в редакцию 25.06.2012 г.

УДК 821.161.1 Боратынский-14 + 7.01:111.1

С. В. Рудакова

ФИЛОСОФИЯ СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ Е. А. БОРАТЫНСКОГО

Исследуется своеобразие философии счастья в лирике Е. А. Боратынского. На широком материале показано, как фелицитарная философия поэта вбирает в себя различные смыслы — культурные, религиозные, индивидуальные, что обусловлено универсальным характером авторского мышления, умением соединять общекультурное и эпохальное представления о счастье с глубоко личным отношением к данному явлению человеческой жизни.

Ключевые слова: Е. А. Боратынский; философия счастья; онтология; античная философия; христианство; романтизм.

Счастье — одна из фундаментальных категорий философии, ибо смысл жизни человека так или иначе связан с поиском и обретением им счастья. Каждый человек стремится к счастью (это заложено в его генетической природе), но при этом каждый вкладывает в понятие счастья свой смысл. Более того, в разные эпохи, в различных религиозных, культурных системах представление о счастье было своим, особым [см.: Свенцицкая; Кошелева; Татаркович]. Значит, рассматривая содержательные аспекты категории счастья в творчестве каждого конкретного автора, мы должны учитывать общечеловеческие, эпохальные, религиозные, индивидуальные смыслы, привносимые в трактовку данного понятия.

Счастье становится одной из важнейших категорий онтологической философии, ибо ему свойственны такие характеристики, как всеобщность (любой